

СМЫСЛОВОЙ КРИЗИС СОВРЕМЕННОСТИ И ФИЛОСОФИЯ ПОСТМОДЕРНИЗМА¹

Аннотация. В статье проводится мысль о том, что «смысл жизни» есть центральная структура личностной идентичности, условие индивидуального и общественного развития. Всесторонний кризис современной цивилизации рассматривается через призму смыслового кризиса и столкновения различных нравственных горизонтов. В центре внимания автора – та негативная роль, которую играет постмодернистская символическая культура в контексте поиска выхода из сложившейся ситуации.

Ключевые слова: смысл жизни, личностная идентичность, ценности, современное общество, кризис смысла, постмодернизм.

Abstract. In the article the key idea of the sense of life to be the central structure of the personal identity and the condition of the personal and social development is put forward. A total crisis of contemporary civilization is studied through a crisis of the essence of human life and a collision of different moral horizons. The negative role that of the postmodernistic symbolic culture in the context of the nowadays situation way-out is in the centre of great author's attention.

Keywords: human life essence, personal identity, values, modern society, crisis of human's essence, postmodernism.

Глобальный кризис человеческой цивилизации – сегодня уже общепризнанный факт и даже своеобразный идеологический «тренд», зачастую вуа-лирирующий то обстоятельство, что современная цивилизация вплотную подошла, а возможно, уже и перешагнула роковую точку *of no return* и движется к «финальной катастрофе». Наиболее явно «конец истории» просматривается в связи с обострением экологической ситуации на планете. Последние исследования биосферы подтвердили неутешительные прогнозы «Римского клуба» о том, что к 30-м гг. XXI в. прогрессирующее техногенное загрязнение планеты достигнет той черты, когда процессы разрушения биосферы приобретут необратимый характер.

Угроза глобальной экологической катастрофы, которая сегодня уже более чем реальна, но, тем не менее, игнорируется мировыми элитами, подводит к пониманию глубины социальных и идеологических «разломов» цивилизации. Если представители «первой волны» постиндустриальной теории (Э. Тоффлер, Д. Белл) видели в информационных технологиях и институтах «панацею от всех бед» цивилизации, то крупнейший представитель «новой волны» постиндустриализма М. Кастельс дает информационному обществу (по крайней мере, его современному варианту) гораздо менее радужные оценки. «Информационная» экономика остается капиталистической, фактически более капиталистической, чем любая другая экономика в истории, но капитал в ней так же трансформирован, как и труд. Специфическими чертами этой принципиально новой формы – финансового капитала выступают: ско-

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ «Постиндустриальное общество и Россия. Стратегия развития» № 08-03-82301 а/У.

рость и планетарные/глобальные масштабы распространения; аккумуляция капитала из всех видов источников; «вуалирование и размывание отношений собственности», прикрывающее небывалое социальное расслоение; логика «исключения» из глобальной игры значительных сегментов общества. Логика эта, однако, по существу своему – не шаг вперед по сравнению с «парадигмой модерна» в экономике, предполагающей движение в сторону рационализации общественной жизни («общество всеобщего благоденствия»), но шаг назад. Экономика постмодерна с ее «рыночным фундаментализмом», подчинением СЛУЧАЮ, игнорированием «общественного интереса» – это своеобразная и весьма опасная в нынешних условиях форма экономического «премодерна», сущность которого точно схвачена в метафорической формуле Дж. Сороса: «алхимия финансов». Новые технологии создают небывалые возможности для «самоумножения» капитала, переводя его в сферу виртуальной экономики, «бессмысленную зону финансово-информационных потоков, где цели социального развития подчинены конъюнктурным интересам финансовой олигархии» [1, с. 15].

«Информационная парадигма», как показывает социально-экономический анализ, сочетает в себе (если обобщить) две противоборствующие тенденции. Первая, прогрессивная, связана с процессом становления новой коллективной и индивидуальной идентичности человека, интеграционными процессами в обществе, предполагающими стратегическое видение совместного будущего. Вторая, регрессивная, связана с доведенными до своего логического предела механизмами фрагментации/разъединения/исключения, присутствующими как старому, так и новому, информационному, капитализму. Последний вывод подтверждается тем, что механизм «исключения» действует сегодня в масштабах планеты и грозит самоуничтожением цивилизации в контексте глобального экологического, демографического, социального кризиса и новейшего смертоносного приобретения цивилизации – «мирового терроризма».

Вполне вероятным кандидатом на *исключение* из глобальной игры становится сегодня и Россия с ее разрушенной экономикой («экономическими руинами», по Кастельсу), обороноспособностью, наукой, быстро сокращающимся населением, в то время как на ее территории находится 40–50 % мировых ресурсов. В геополитическом отношении перед нашей страной вырисовываются две важнейшие стратегические задачи: не утратить контроль над собственными богатейшими источниками сырья и сохранить самостоятельность в стратегических отраслях экономики [2, с. 7]. Эти задачи представляются выполнимыми только в том случае, если мы найдем в себе силы противопоставить глобальному финансовому капиталу «*символический капитал*», «*великий коллективный проект*», сможем *восстановить свою коллективную идентичность* «в мире, где потоки власти и денег пытаются дезинтегрировать возникающие экономические и социальные институты еще до того, как они окончательно оформились, чтобы поглотить эти институты в своих глобальных сетях» [3, с. 490].

Формулируемая М. Кастельсом проблема восстановления «коллективной идентичности» в России (а мы расширим – в *мире*) выходит, с нашей точки зрения, далеко за пределы феноменологического (в данном случае, технологического, институционального) анализа происходящих в обществе трансформаций. Не случайно проблема потери/восстановления/поиска иден-

тичности попала в фокус философских интересов на Западе начиная с 70-х гг., а сегодня переживает свой «бум» и в России. «Кризис идентичности» – пожалуй, единственная тема в рамках современного философского дискурса, которая напрямую выводит на тотальный кризис СМЫСЛА.

В отношении человека (общества) речь, безусловно, идет не о *формальной*, а о *реальной* идентичности, предполагающей вечное «движение становления», в рамках которого кризисы в известном смысле играют позитивную роль. Прогрессивное движение общества немислимо без кризисов, столкновения и борьбы нового со старым, утверждения нового «типа социальности» (= идентичности). Однако бывает и так, что «кризис идентичности» вызывает «регрессию к более архаичным и примитивным ценностям» [4, с. 121], красноречивым примером чему служит культурная атмосфера в современной России. Несмотря на то, что формально кризис коллективной идентичности, СМЫСЛА схватывается довольно верно как «распад коллективной памяти, представленной традициями», «утрата веры в общее будущее» (В. Хёсле), представляется, что данный анализ все же имеет феноменально-психологический характер и отсылает к кризису индивидуального самосознания. Так, ряд исследователей попросту отождествляет «идентичность» и «самосознание», «самоопределение», из чего заключается, что «коллективная идентичность» есть понятие-фантом [5, с. 48]. Последняя, по мысли Малахова, есть результат «овеществляющего гипостазирования», и популярность ее следует связывать с новейшим предикатом «национальная». Национальная/коллективная идентичность все чаще становится лозунгом националистов, «охотников за неизменными субстанциями», подменяющих проблематику суверенитета проблематикой идентичности. Если В. С. Малахов оценивает эти процессы негативно, как некий возврат в «темные века», то Д. Белл в предисловии к новому изданию «Конец идеологии» усматривает в «пробуждении» национализма ключевую и, по всей видимости, позитивную черту современности. По мнению Белла, конец XX в. ознаменовался концом идеологий, падением великих держав и образованием глобального *экономического* сообщества, предполагающего при этом *культурную* автономию в пределах национальных государств и регионов [6, с. 25]. Однако, с нашей точки зрения, Д. Белл настроен уж очень «благобно» и не замечает, что «возобновление истории» находится под большим вопросом, поскольку, во-первых, ни о каком «конце идеологии» не может быть и речи, можно говорить лишь о временной победе либеральной идеологии (не будем забывать о Китае и стремительно «краснеющей» Латинской Америке). Во-вторых, как показывает практика, страны первого мира далеко не горят желанием принимать в *свою* глобальную игру второй и третий миры и продолжают загонять их в «гетто отсталости» [7, с. 29]. И в-третьих, как раз эти процессы подогревают национальную напряженность на планете, принимающую в современном мире Internet и новейших технологий чрезвычайно опасные формы глобального «сетевого терроризма». Как ни грустно сознавать, в большинстве случаев национализм (не всегда здоровый) остается единственным оплотом той «коллективной идентичности», которая далеко не на равных противостоит сегодня глобальной гегемонии капитала.

Возникает вопрос о том, что дает «коллективная идентичность», представляющая собой сплав территориальной, социальной, этнической, религиозной и других составляющих, современному человеку, «Я», противостоя-

шему «СЕТИ»? В первом приближении, безусловно, «универсальный инструментализм» глобального общества, «СЕТЬ» ассоциируется с прогрессом, новой «плюралистической идентичностью», «бросающей вызов патриархальной власти по всему миру». В то же время большинство авторов, исследующих сегодня экономические, политические, социальные процессы глобализации, проблемы глобальной этики и межкультурного диалога, все дальше уходят от первоначальных наивно-оптимистических представлений. Все более очевидным становится тот факт, что результаты глобализации, осуществляемой под знаком господства США и их сателлитов, предназначены не для всех. Но проблема заключается еще и в том, что в оценке негативных последствий собственной политики американское правительство «постоянно прибегает к языку добра и зла, причем зачастую до неловкости по-детски – «хорошие парни» и «плохие парни», а самый знаменитый пример – «ось зла» [8, с. 86]. И это, по мнению У. Макбрайда, отнюдь не язык диалога и, тем более, не попытка решения существующих глобальных проблем. Весьма примечательно, что именно англоязычный автор пишет о том, что если и существует «ось зла», то проходит она «не через Ирак и Иран, а через Международный валютный фонд и Всемирный банк» [8, с. 86]. Это высказывание, с нашей точки зрения, следует понимать в том смысле, что глобализационный процесс в его современном во многом стихийном варианте (где и США – заложник собственного положения) противостоит «метафизическому мегапроекту Человека» [9, с. 131], родовой идентичности и СМЫСЛУ. В «наступившем третьем тысячелетии Общей Эры» (У. Макбрайд) было бы нелепым анахронизмом противостоять процессам глобализации (в том числе и культурной), поэтому мы причисляем себя скорее не к «антиглобалистам», а «альтерглобалистам» – сторонникам иной/новой интеграции, а не противникам глобализации.

Довольно глубоко проблема противостояния Я/МЫ – СЕТЬ поставлена, с нашей точки зрения, Н. Н. Федотовой, по мнению которой, наиболее фундаментальный, смыслообразующий «пласт сакрального» в идентичности личности в условиях глобализации определяется *локально* [10, с. 57]. Подлинная основа человеческого бытия, его коллективистская сущность воспроизводится на глубинном, связанном с партикуляристской идентичностью, уровне, вступающем в противоречие с «поверхностным» универсальным инструментализмом. Подобная парадоксальная (ненормальная) ситуация объясняется тем, что современное общество находится в глубочайшем кризисе, когда наличные институциональные структуры практически полностью утратили свой смысл, и даже предшествующие им формы несут, кажется, большее родовое содержание. «Перед лицом этнических конфликтов и грозящих «столкновений между цивилизациями» человечество должно выработать глобальную этику и глобальную гражданскую культуру» [11, с. 26], которые составят прочный фундамент нового варианта глобализма, альтерглобализма, пока «явно страдающего от дефицита больших смыслообразующих идей» (А. С. Панарин). Весьма показательным, что большинство авторов сегодня приходит к пониманию того, что «культивирование человечности» – это «двухфокусная, т.е. и моральная, и политическая задача» (Ф. Даллмар). В этом ракурсе должна рассматриваться и разгоревшаяся с новой силой в начале XXI в. философская дискуссия по поводу соотношения двух экономических стратегий развития общества и соответствующих им политических

идеологий: социалистической и нео/либеральной, и их отношения к «метафизическому мегапроекту Человека».

Негативный опыт 90-х гг. в России привел к формированию иммунитета к идеям либерализма в чистом виде («свободная конкуренция», «рыночный фундаментализм») и появлению множества переходных, двойственных концепций. Так, Н. Г. Козин считает, что не сама по себе идеология/смысловая система либерализма привела к столь печальным результатам в России, а ее неадекватное применение в наших условиях. Будучи политической идеологией, либерализм, по мнению Козина, не должен претендовать на «идентификационные основы нации, на то, чтобы именно собой заменить все ценности национальной идентичности России» [12, с. 51]. Г. Л. Тульчинский, опираясь на «классиков» современного либерализма Р. Дворкина, Д. Ролза, отмечает, что либерализму, утверждающему «многообразие ценностей и право каждого человека на свободный выбор» (и поэтому отвечающему современности), противостоит тоталитаризм с его претензией на монопольное обладание правильным решением. В то же время, как и Козин, Тульчинский настаивает на том, что либерализм «не столько ценностно-смысловая, сколько процедурно-технологическая доктрина социального устройства» [13, с. 24]. Либеральная доктрина «холодного» общества атомизированных индивидов имеет скорее *формальный*, процедурный характер и должна дополняться *содержательной* доктриной «горячего» общества «тоталитарно сплоченных, если не сплавленных в универсальном смысловом единстве *communitas...*» (Г. Л. Тульчинский). Здесь мы наталкиваемся на весьма характерное для всех полу/либералов противоречие: либеральная идеология с ее принципами социального атомизма, индивидуализма, плюрализма не может быть адекватной основой для создания моделей социального устройства, поскольку не соответствует действительной сущности человека/общества, родовому содержанию. Современный СМЫСЛОВОЙ кризис цивилизации – красноречивое подтверждение этому.

Действительный вектор исторического процесса связан с появлением более сложных, высоких форм единства родового и индивидуального, становлением *глобальной коммюнитарности* как внутреннего, латентного процесса в недрах глобализации [14, с. 56]. Попытки загнать новую коллективную идентичность человека в архаичные формы нео/либерального атомизма противоречат ЛОГИКЕ и СМЫСЛУ истории, тормозят формирование «креатосферы» (А. В. Бузгалин), «этикотворчество», создание новых коммюнитарных форм жизнедеятельности и ценностных миров. Более того, временное поражение «Мировой социалистической системы» и социалистической идеологии открыло дорогу «*для реверсивного хода истории, идущего к ультраимпериалистическому тупику*» [15, с. 11]. Вопреки наивным представлениям неолибералов «рынок» и рожденный им «экономический человек» формируют как никогда мощную тоталитарную систему, в которой человеку разрешено все, чего он хочет, но хочет он только того, что требуется...

По мнению А. С. Панарина, жизнеспособность либеральной идеологии, давно знакомой и скомпрометировавшей себя в массовом сознании еще добрых 100–150 лет назад, следует связывать с ее новейшим союзником – *постмодернистской символической культурой*. Последняя характеризуется «резким повышением гибкости и подвижности интеллектуальных форм», дистанцированием «обозначающего» от «обозначаемого», знака от референ-

та, восходящим к принципам структурализма и формальной лингвистики. В то же время необходимо учитывать, что *смысловая игра* постмодерной культуры есть лишь «поверхностный эффект», за которым стоит «культура реальной виртуальности», позволяющая «торговцам знаками» (владельцам «символического капитала») выманывать и выменивать на них отнюдь не призрачные ценности [16, с. 25].

Зародившись в середине XX в., постмодернизм/постструктурализм первоначально ассоциировался с довольно локальным направлением лингвистической философии. Однако постепенно стал претендовать на роль философской «макропарадигмы», пришедшей на смену «модерну» с его логоцентризмом. Сегодня, в начале XXI в., разговор о перспективах данного направления уже во многом не актуален, поскольку значительная часть его сторонников предпочла «отстать от поезда» до его прибытия на конечную станцию «грамматология» [17, с. 3]. Более того, в недрах постмодернистского дискурса все отчетливее просматриваются тенденции возврата к традиционному бинарному коду, целостным онтологическим и эпистемологическим конструкциям, обнаруживаются не свойственные для него тенденции «реанимации» похороненного автора, поиска этического субъекта.

Довольно интересная ситуация складывается на Западе, где за последние годы «усилилась сопротивляемость вирусу постмодернизма и расширился арсенал контраргументов» (Н. С. Юлина). По мнению Д. Деннета, в современной философии разрастается пропасть между серьезностью и фривольностью, сторонники которой «рассуждая о демонстрируемой неспособностью *их методов* к поиску истины и достижению стабильных и ценных результатов... наивно обобщают их в том духе, что никому другому вообще неведома возможность открытия истины» [18, с. 95]. Как отмечает Н. С. Юлина, несмотря на теоретические разногласия, Деннет, Серль, Нагель объективно оказались по одну сторону баррикад, отстаивая принципы рационализма, объективности и истины и выступая против постмодернистского релятивизма, ирреализма и антитеоретизма [19, с. 92]. На почве противостояния «философии-как-науки» и «философии-как-литературы» разгорается полемика Дж. Серля и Ж. Деррида, Д. Деннета и Р. Рорти. Дж. Р. Серль, проводя детальный анализ теоретических принципов и стиля Деррида, открывает ключевую ошибку его философии. По мнению Серля, Деррида, продолжая линию Декарта, Гуссерля, Хайдеггера, не освобождается в полной мере от веры в *необходимость* существования трансцендентальных оснований опыта и науки. Но поскольку они не обнаруживаются, то делается вывод о несостоятельности науки (с ее логоцентрической парадигмой) как таковой. Современный философский и литературный «деконструктивизм» опирается, по Серлю, на посылки, восходящие (как ни странно) к логическому позитивизму. Все теоретические принципы, которые нельзя подвергнуть механической процедуре верификации, объявляются «неопределенными», что открывает простор «свободной игре символов», в которой «действительность» – это еще один текст [20, с. 69]. Таким образом, парадигма постмодерна не преодолевает «модерн», но, скорее, смыкается с «премодерном» [21, с. 51], возвращаясь к архаичным формам смыслообразования.

В онтологическом плане постмодернизм опирается на тенденции релятивизма и антидетерминизма, подчеркивает приоритет случайности перед не-

обходимостью. Так, в частности, «генеалогический» проект М. Фуко, с лежащей в его основе онтологией, перекликается с идеями о рождении порядка из хаоса через его спонтанную самоорганизацию, развиваемыми И. Пригожиным и его школой [22, с. 105]. Еще более заметная связь с теорией синергетики обнаруживается в трактовке философии Делеза и Гваттари. С их позиций, в истории философии как творчестве концептов «ведущую роль играет случайность, отсюда и ссылки на игру в кости, такие выражения, как произвольное выхватывание из хаоса составляющих концепта, сечение хаоса...» [23, с. 158]. «Хаос» в данном случае ассоциируется с неким «смысловым вакуумом», из которого в режиме диалога («маятник диалога») между человеком и природой, человеком и человеком вырабатывается совместный, intersubъективный смысл [24, с. 151].

В социально-онтологическом плане создается ситуация плюрализма, полифоничности смыслов, отказа от стержневой, родовой логики развития социума и, как следствие, аннигиляции «человечности». Доведенные до своего логического предела постулаты структурализма и социального атомизма формируют постмодерного человека, личность которого воспринимается как кибернетический «черный ящик». «Пустота, пролегла между людьми – изолированными социальными атомами, – характеризует каждого из них и изнутри» [25, с. 37]. Но смысловой вакуум, вопреки ожиданиям, не рождает СМЫСЛА. «To be or not to be myself» – роковая проблема современности, поскольку «личность отсутствует, она мертва, выметена из нашей функциональной вселенной» [26, с. 119].

Будем, однако, учитывать, что постструктурализм как философское направление возникает на волне роста социальной напряженности в Европейских странах в 60-х гг. и, в известном смысле, продолжает традиции Франкфуртской школы Kulturkritik, воспринимая критику языка как критику современной цивилизации [27, с. 15]. Творчество его крупнейших представителей Ж. Деррида, М. Фуко, Р. Барта, не говоря уже о Ж. Делезе, Ф. Гваттари, Ж. Бодрийяре, обнаруживает немало точек соприкосновения с левыми идеями, в частности, марксизмом. В то же время, как точно подметили Ф. С. Ричардсон и Р. С. Бишоп, постмодернизм, хотя и выражает протест современному обществу «мягкого тоталитаризма», но не дает хоть сколько-то конструктивного проекта будущего [28]. Он попал в собственную ловушку: разве может идти речь о СМЫСЛЕ (как, впрочем, и о бессмысленности!), идентичности, когда «...никого нет», утеряна инстанция, стремящаяся «персонализироваться» (Ж. Бодрийяр). И сами того не замечая, постмодернисты работают на своего противника, создавая теоретические основания новой системы массового манипулирования. Демонтаж рациональных начал, осуществляемый при поддержке постмодерной идеологии, идет сегодня в трех основных направлениях: ликвидация коллективной идентичности больших субъектов истории (подмена *социального* дискурса *этноцентричным* дискурсом); устранение привычных ценностных иерархий, связанных со служением чему-то высшему, «горнему»; устранение будущего в пользу «самодостаточного» настоящего (А. С. Панарин). Три этих линии «чувственного реванша» постмодерна формируют горизонты новой эпохи – «эпохи бытия-в-деконструкции», по Деррида [29, с. 56].

Однако «не закрыта и перспектива использования «деконструкции» оппонентами поспешно скроенных и слишком явно апологетических либераль-

ных синтезов» [16, с. 35]. Остается еще надежда на то, что фаза «бытия-в-деконструкции» сменится фазой нового смыслообразования, но для этого «необходимо преодолеть нынешнюю либеральную аллергию на «большие идеи». «Смысл человеческого существования» по определению несет в себе всеобщее, бесконечное, родовое содержание. Плюрализм, полифоничность ценностей и смыслов (чего никак не могут уяснить сторонники механистичной верификации и однозначности) не противоречат СМЫСЛУ, но предполагают, требуют СМЫСЛА, стержневой логики развертывания смысловых многообразий. На глубинном уровне человеческого бытия, связанном со всеобщим, бесконечным, родовым содержанием, нет и не может быть плюрализма в том смысле, как нет и не может его быть между ценностями коллективизма и индивидуализма, развития и деградации, жизни и смерти... К пониманию этого подталкивает нас кризис современной цивилизации.

Список литературы

1. **Мясникова, Л. А.** Экономика постмодерна и отношения собственности / Л. А. Мясникова // Вопросы философии. – 2002. – № 7. – С. 5–16.
2. **Орлов, В. В.** Философия экономики / В. В. Орлов, Т. С. Васильева. – Пермь : Изд-во ПГУ, 2005. – 264 с.
3. **Кастельс, М.** Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
4. **Хёсле, В.** Кризис индивидуальной и коллективной идентичности / В. Хёсле // Вопросы философии. – 1994. – № 10. – С. 112–123.
5. **Малахов, В. С.** Неудобства с идентичностью / В. С. Малахов // Вопросы философии. – 1998. – № 2. – С. 43–53.
6. **Белл, Д.** Возрождение истории в новом столетии / Д. Белл // Вопросы философии. – 2002. – № 5. – С. 13–25.
7. **Бузгалин, А. В.** «Постиндустриальное общество» – тупиковая ветвь социального развития? / А. В. Бузгалин // Вопросы философии. – 2002. – № 5. – С. 26–43.
8. **Макбрайд, У.** Глобализация и межкультурный диалог / У. Макбрайд // Вопросы философии. – 2003. – № 1. – С. 80–87.
9. **Самохвалова, В. И.** Проект глобализации и метафизический мегапроект человека / В. И. Самохвалова // Философские науки. – 2003. – № 3. – С. 112–131.
10. **Федотова, Н. Н.** Кризис идентичности в условиях глобализации / Н. Н. Федотова // Человек. – 2003. – № 6. – С. 50–58.
11. **Даллмар, Ф.** Глобальная этика: преодоление дихотомии «универсализм» – «партикуляризм» / Ф. Даллмар // Вопросы философии. – 2003. – № 3. – С. 13–29.
12. **Козин, Н. Г.** Искушение либерализмом / Н. Г. Козин // Вопросы философии. – 2006. – № 9. – С. 47–66.
13. **Тулчинский, Г. Л.** Проблема либерализма и эффективная социальная технология / Г. Л. Тулчинский // Вопросы философии. – 2002. – № 7. – С. 17–25.
14. **Парамонова, С. П.** Динамика морального сознания (Введение в социологию морали) / С. П. Парамонова. – Пермь : ПГТУ, 2006. – Т. I. – Ч. I. – 341 с.
15. **Бузгалин, А. В.** Постмодернизм устарел... (Закат неолиберализма чреват угрозой «протоимперии») / А. В. Бузгалин // Вопросы философии. – 2004. – № 2. – С. 3–15.
16. **Панарин, А. С.** Постмодернизм и глобализация: проект освобождения собственников от социальных и национальных обязательств / А. С. Панарин // Вопросы философии. – 2003. – № 6. – С. 16–36.
17. **Кутырев, В. А.** Философия иного, или Небытийный смысл трансмодернизма / В. А. Кутырев // Вопросы философии. – 2005. – № 12. – С. 3–19.

18. **Деннет, Д.** Постмодернизм и истина. Почему нам важно понимать это правильно / Д. Деннет // Вопросы философии. – 2001. – № 8. – С. 93–100.
19. **Юлина, Н. С.** Деннет о вирусе постмодернизма / Н. С. Юлина // Вопросы философии. – 2001. – № 8. – С. 78–92.
20. **Серль, Дж. Р.** Перевернутое слово / Дж. Р. Серль // Вопросы философии. – 1992. – № 4. – С. 58–69.
21. **Хабермас, Ю.** Модерн – незавершенный проект / Ю. Хабермас // Вопросы философии. – 1992. – № 4. – С. 40–52.
22. **Визгин, В.** Генеалогический проект Мишеля Фуко: онтологические основания / В. Визгин // Мишель Фуко и Россия : сборник статей / под ред. О. Хархордина. – СПб. : Летний сад ; М. : Европ. ун-т, 2001. – С. 96–110.
23. **Маркова, Л. А.** Философия из хаоса. Ж. Делез и Ф. Гваттари о философии как творчестве концептов / Л. А. Маркова // Вопросы философии. – 2002. – № 3. – С. 147–159.
24. **Аршинов, В. И.** От смыслопрочтения к смыслопорождению / В. И. Аршинов, Я. И. Свирский // Вопросы философии. – 1992. – № 2. – С. 145–152.
25. **Панарин, А. С.** Народ без элиты / А. С. Панарин. – М. : Алгоритм, 2006. – 352 с.
26. **Бодрийяр, Ж.** Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр. – М. : Республика, 2006. – 269 с.
27. **Ильин, И. П.** Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа / И. П. Ильин. – М. : Интрада, 1998. – 255 с.
28. **Ричардсон, Ф. С.** Физика, науки о человеке и конец определенности / Ф. С. Ричардсон, Р. С. Бишоп // Человек перед лицом неопределенности / ред. И. Р. Пригожин. – М. ; Ижевск : Ин-т компьютерных исследований, 2003. – С. 269–286.
29. **Деррида, Ж.** Письмо японскому другу / Ж. Деррида // Вопросы философии. – 1992. – № 4. – С. 53–57.

Маслянка Юлия Владимировна
ассистент, кафедра философии,
Пермский государственный университет

Maslyanka Yuliya Vladimirovna
Assistant, sub-department of philosophy,
Perm State University

E-mail: ecv@yandex.ru

УДК 172

Маслянка, Ю. В.

Смысловый кризис современности и философия постмодернизма / Ю. В. Маслянка // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2010. – № 1 (13). – С. 51–59.